

ПАСТИШ (фр. *pastiche*: от итал. *pasticcio* — стилизованная опера-попурри) — понятие философии постмодернизма, содержание которого фиксирует: 1) способ соотношения между собою текстов (жанров, стилей и т.п.) в условиях тотального отсутствия семантических либо аксиологических приоритетов и 2) метод организации текста как программно эклектичной конструкции (см. Конструкция) семантически, жанрово-стилистически и аксиологически разнородных фрагментов, отношения между которыми (в силу отсутствия оценочных ориентиров) не могут быть заданы как определенные.

Исходно, в модернизме (см. Модернизм) П. интерпретировался как прием пародирования или автопародирования (см. Авангард Поворот от модернистского к постмодернистскому пониманию П. фундирован трансформацией его содержания у Манна и Адорно; однако собственно данный переход связан с именем Р.Пойриера, поставившего под сомнения саму возможность пародии в современной культуре в традиционном ее понимании, т.е. предполагающую наличие неуязвимой точки зрения: классики, так называемого «высокого стиля», правильного литературного языка и т.п. (Для сравнения: представитель авангардной «Группы-63» А.Гульельми, видевший в П. «своеобразную пародию», полагал, что «жизни без идеалов, без каких бы то ни было идеалов, не бывает и быть не может».)

В указанном контексте взамен концепта «пародия» Р

.Пойриер предлагает использовать понятие «самопародия», семантическая разница между которыми заключается, по его мнению, в том, что «в то время как пародия традиционно стремилась доказать, что, с позиции жизни, истории и реальности, некоторые литературные стили выглядят устаревшими, — литература самопародии как абсолютно неуверенная в авторитете подобных ориентиров подвергает осмеянию и самое усилие установить правильность посредством акта письма». Именно этот вектор интерпретации процедуры пародирования и ложится в основу постмодернистской концепции П. Развитие постмодернистской концепции П. связано с творчеством таких авторов, как И.Хассан, Джеймисон и др. Понятие П. конституирует свое содержание в контексте постмодернистской концепции интертекстуальности — однако это не просто способ бытия стереофонически гетерогенного текста, понятого как палимпсест (см. Интертекстуальность, Конструкция).

Так, уже Ч

.Дженкс фиксирует характерный для постмодернизма принцип «парадоксального дуализма или двойного кодирования», предполагающий — при столкновении в одном интертекстуальном пространстве двух и более фрагментов содержательно и стилистически различных «текстуальных миров» — неизбежное возникновение квази-пародийного эффекта, в рамках которого каждый фрагмент «иронически преодолевает» все другие и, в свою очередь, «иронически преодолевается» каждым из них. В этом отношении П. задает аксиологическое пространство тотальной аутопародии (П. как тип отношения) и одновременно ее результат, поскольку последний в постмодернистской системе отсчета является принципиально процессуальным и не объективируется в финально завершенном продукте, т.е. тексте, имеющем определенное значение (П. как тип конструкции). В контексте таких парадигмальных презумпций постмодернизма, как «постмодернистская чувствительность», предполагающая видение мира как принципиально хаотичного (см. Постмодернистская чувствительность), и «закат метанарраций», задающий видение культуры постмодерна как организованной по принципу нонселекции (см. Нонселекции принцип, Закат метанарраций), в принципе невозможно конституирование понятия «лингвистическая норма». Согласно постмодернистской рефлексии, «распыление... литературы на множество специфических индивидуальных стилей и манер имело следствием языковую фрагментаризацию социальной жизни до такой степени, когда утрачивает свою силу сама норма... которая сама становится всего лишь еще одним идиолектом среди прочих»;

(Джеймисон).

Это означает и невозможность пародии в традиционном ее значении: по оценке Джеймисона, «чувство, что существует еще нечто нормальное на фоне высмеиваемого», может считаться в современной культуре «окончательно угасшим». В этой ситуации «пародия обнаруживает собственную ненужность: она отжила свое, и этот странный новый феномен пастиша постепенно занимает ее место» (Джеймисон).

В постмодернистском своем понимании П., «подобно пародии, является подражанием... использованием стилистической маски», однако принципиальное его отличие от пародии, задающее специфику феномена П., заключается в том, что его процессуальность оказывается эмоционально нейтральной, лишенной энергии отрицания (тогда как пародия отрицает пародируемое) и пафоса утверждения (ибо пародия всегда имеет в виду предпочтительную альтернативу пародируемому): по оценке Джеймисона, «это нейтральная практика... подражания без каких-либо скрытых пародийных намерений, с ампутированным сатирическим началом, лишенная смеха и уверенности в том, что наряду с аномальным языком... все еще существует некоторая здоровая лингвистическая норма». В подобной культурной среде П.,

согласно позиции И

.Хассана, может быть рассмотрен как инструмент (метод) борьбы против языка, "лживого по своей природе", а именно — против претензий последнего на обладание каким бы то ни было аксиологически выделенным (не только единственно возможным или так называемым "правильным", но и вообще предпочтительным) смыслом. В отличие от модернизма, постмодернизм не борется с каноном, ибо в основе этой борьбы лежит имплицитная презумпция признания власти последнего, он даже не ниспровергает само понятие канона — он его игнорирует. В подобном аксиологическом пространстве пародия выступает единственным способом бытия интертекстуального текста: пародист, "предлагая имитацию романа его автором", в свою очередь, имитирует роль автора имитации, тем самым "пародируя себя в акте пародии" (И

.Хассан). В организационно-гештальтном аспекте П. также выступает как феномен принципиально ризоморфный (см. Ризома) и ацентричный (см. Ацентризм): конструкция, организованная по принципу П., не предполагает ни возможности выделенной семантики, ни возможности вертикально выстроенных соотношений значений. Очерчивая ареал распространения П. в культуре постмодерна, постмодернизм фиксирует, что он практически не имеет предметных (как и каких бы то ни было иных) ограничений: по оценке Джеймисона, мы можем констатировать "вездесущность П." в современной культуре. (См. также Интертекстуальность, Коллаж, Конструкция, Постмодернистская чувствительность.)

М.А. Можейко